

Г. ДЁРФЕР

МОЖНО ЛИ ПРОБЛЕМУ РОДСТВА АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ
РАЗРЕШИТЬ С ПОЗИЦИЙ ИНДООЕРОПЕЙСТИКИ?

В последние годы заметно увеличилась литература по проблеме родства алтайских языков¹; в частности, эта проблема обсуждается и на страницах журнала «Вопросы языкознания»². Недавно вышла в свет книга, целиком посвященная этой проблематике и затрагивающая ряд методических вопросов исследования³. На статье Л. Г. Герценберга «Алтаистика с точки зрения индоевропейства», помещенной в этой книге, я хотел бы остановиться особо — прежде всего потому, что мои возражения автору касаются ключевых вопросов алтаистики.

В первых двух разделах этой статьи приводятся некоторые общие замечания к проблеме доказательств праязыкового родства вообще, преимущественно с индоевропейской точки зрения; третий раздел касается моей статьи о соответствиях тюркским долгим гласным в тунгусском⁴.

По поводу первых двух разделов статьи следует признать, что взгляды мои и автора во многом сходятся. Так, на стр. 38 и сл. приводятся критические исправления к статье Дж. Клоусона, действительно, не вполне совершенной в методическом отношении (теми средствами, какими пытался сделать это Дж. Клоусон, теорию алтайского праязыкового родства опровергнуть нельзя⁵). Правда, в то же время представляется, что сам Л. Г. Герценберг также еще не сказал последнего слова в этом вопросе (см. стр. 41, пункты 6 и 7). Тем не менее благодаря этому дискуссия по сложной проблеме алтаистики обогатилась и стала более плодотворной.

Что же касается сопоставлений алтайских лексем, производимых на стр. 41—42, то их, напротив, приходится признать по большей части ошибочными (см. особенно пункт 7 на стр. 41). Многие из этих сопоставлений вряд ли могут быть признаны кем-либо из алтаистов, независимо от того, выступает тот за или против алтайской гипотезы. Автор сравнивает, например, монг. *üsür*- «опрыскивать» и тюрк. *äs*- «рассеивать», а также тюрк. *us*- «иметь жажду»; монг. *üjmege* «приводит в беспорядок» и тюрк. *um* «растройство (желудка)»; монг. *ülegü* «излишек», «лучше» и тюрк. *el* «народ», а также тюрк. *ula*-«присоединять» (стр. 41). В результате такого сопоставления оказывается, что монгольскому *ü* соответствуют тюрк. *ä*, *e*, *u*. Здесь проявляется чисто индоевропейский образ мышления: в индоевропейском праязыке, как известно, действовал аблаут, т. е. изменение корневого гласного; поэтому разноязычные индоевропейские формы, которые показывают различные гласные, тем не менее могут быть изначально

¹ Под «алтайскими языками» здесь понимаются тюркские, монгольские, тунгусские.

² См.: Дж. Клоусон, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5; Л. Лигети, Алтайская теория и лексикостатистика, ВЯ, 1971, 3, и др.

³ «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971 (при разборе статьи Л. Г. Герценберга страницы этой книги приводятся в тексте).

⁴ См.: «Die Entsprechung der türkischen Langvokale im Tungusischen», UAJb. 40, Hf. 1—2, 1968.

⁵ См.: Л. Лигети, указ. соч.

родственными. В алтайском, как представляется, аблаута не было⁶. Л. Г. Герценберг все же мог бы предположить широко распространенный систематический алтайский аблаут, если бы он сперва явственно доказал его существование, установил бы, какие аблаутные ряды имеются в алтайском и т. п. Пока это не сделано, у нас нет оснований предполагать *ad hoc* и *a priori* аблаут в алтайском.

Своеобразна аргументация на стр. 34—35. Автор сначала приводит ряд «сходных» слов в алтайских языках, например монг. *a'ula* «гора» = маньчж. *alin*, тюрк. *til* «язык» = монг. *kelen*; даже тюрк. *qān* «кровь» и монг. *čisun* кажутся ему «сходными». Далее он замечает, что «целый ряд других» (стр. 35) подобных случаев «сходства» слов имеется в алтайских языках. При этом предполагается, что эти факты можно объяснить только двумя способами. Либо такие соответствия, как монг. *a'ula* = маньчж. *alin* и т. п., надо рассматривать как регулярные. В таком случае, стало быть, в более ранние периоды истории в алтайских языках должно было существовать гораздо больше сопоставимых слов, чем их представлено в настоящее время, «...тогда и родство алтайских языков не вызывает сомнений...» (стр. 35). Или же эти соответствия отвергаются как не отвечающие звуковым корреспонденциям, которые установлены посредством компаративистического метода, — «но тогда молчаливо предполагается... родство алтайских языков» (стр. 35).

По поводу обоих способов объяснения заметим следующее.

Во-первых, избыток совпадающих слов сам по себе совсем еще не доказывает родства языков. Например, лексика классического османско-турецкого языка чуть ли не на 90% состояла из персидских слов (которые, в свою очередь, часто восходят к арабскому первоисточнику), и, тем не менее, это тюркский язык, а не индоевропейский. Вопрос доказательства родства языков по существу является не количественным, но качественным.

Во-вторых, при помощи компаративистического метода звуковые корреспонденции могут быть установлены не только для изначально родственных слов, но также и для заимствований. Например, для персидских заимствований в турецком можно привести точные звуковые соответствия (в том числе $x > h$, $\bar{a} > a$, $a > e$ и т. д.). Один только Л. Г. Герценберг мог бы «молчаливо предположить» здесь языковое родство.

Тот факт, что, в частности, в тюркско-монгольских соответствиях различаются по меньшей мере два слоя (например, тюрк. z = монг. r , но также и монгольскому s), истолкован сторонниками алтайской гипотезы таким образом, что один слой состоит из изначально родственных слов, а второй — из заимствованных. Но точно также можно предположить и другое, а именно: что один слой представлен более старыми заимствованиями, а второй — более новыми. И тогда, естественно, можно установить звуковые законы для обоих слоев.

В-третьих, подобная аргументация, если ее применять последовательно, приводит к абсурдному результату. Именно так можно было бы аргументировать общность любых языков мира (и придти к тезису Тромбетти о «единстве языков мира»). Таким путем можно было бы доказать, что полинезийско-индонезийские языки якобы родственны индоевропейским. Здесь, прежде всего, имеется ряд как будто бы несомненных случаев вроде малайск. *dua* «два» = русск. *два*, латинск. *duo* и т. д. (Из подобных примеров можно легко составить ряды — даже в соответствии со звуковыми законами — и притом для самых различных языков мира. Естественно, еще легче сде-

⁶ Спорадические случаи, вроде тюрк. *bān* «я»: *bi-ni* «месяц» структурно не играют сколько-нибудь значительной роли.

латя это для языков, которые, как алтайские, имели тесные территориальные контакты, приведя в этих целях обширный материал сопоставлений. Правда, легче всего это произвести в отношении действительно родственных языков — но в этом случае потребуется выполнить еще и совсем иные условия, помимо наличия ряда сходных слов). Далее можно было бы сказать, что есть еще много сходных слов, например, малайск. *andjing* «собака» = лат. *canis*, яванск. *pat* «четыре» = рум. *patru*. Если придерживаться логики аргументации Л. Г. Герценберга, то подобные «схождения» можно объяснить только так, что либо и эти «соответствия» являются регулярными, и в таком случае надо предполагать в полинезийско-индонезийских и индоевропейских языках в ранние периоды еще большее число «сопоставимых» слов, либо эти «соответствия» не отвечают звуковым корреспонденциям, и тогда молчаливо постулируется «родство» таких языков.

Не представляются мне убедительными и объяснения, которые даны алтайским числительным и многим другим явлениям; однако в рамках журнальной статьи затронуть все эти вопросы невозможно. Остановимся более подробно на третьем, фонетическом разделе разбираемой статьи.

Прежде всего автор показывает здесь, что звук одного из индоевропейских языков может восходить к различным звукам праязыка, например, др.-инд. *a* — к и.-е. **a, *e, *o*, *šwa secundum*, а др.-инд. *i* — к и.-е. **i, šwa primum*, и это доказывается уже сопоставлением с древнегреческим (стр. 43).

«В свете этого опыта индоевропеистики» (стр. 43) в статье оспаривается то мое утверждение (точнее — тот факт), что тюркскому долговому гласному соответствует краткий гласный не только в монгольском (который не знает долгих гласных вообще), но и в тунгусском (в котором долгие гласные есть), а это, в свою очередь, указывает на путь заимствования из тюркского в монгольский и далее — в тунгусский⁷. Герценберг полагает, что имеются другие возможности объяснять этот факт (стр. 44):

а) В алтайском праязыке существовала долгая гласная, которая претерпела сокращения в монгольском и тунгусском и сохранилась только в тюркском.

Это утверждение противоречит, однако, тому факту, что тунгусскому в принципе были свойственны долгие гласные. Можно было бы спросить себя, почему же как раз в примерах, цитированных из моей статьи, тюркский сохраняет долготу, а тунгусский ее утратил? Обусловлена ли утрата долготы гласной в тунгусском позиционно? В статье, однако, не сообщается никаких сведений о позиционных условиях.

Мало того: тюркской долгой гласной соответствует в тунгусском почти всегда (совершенно ясно, что это никак не случайно) краткая гласная. Но тогда этот факт как раз следовало бы объяснить. Необходимость этого приводит нас к нижеследующей интерпретации, содержащейся в пункте *c* (см. ниже), ибо в пункте *a* не представлено никакой особой возможности для этого.

б) Первоначально краткая алтайская гласная в некоторых позициях в тюркском удлинялась. Но в каких именно позициях? Автор не дает никаких конкретных сведений, ограничиваясь лишь констатацией абстрактной возможности такого удлинения. Более детальные исследования показывают, однако, что оппозиция «долгая гласная: краткая гласная» в тюркском никогда не была позиционно обусловленной. Например, и долговую гласную, и краткую гласную можно наблюдать как в односложных, так и в многосложных словах (*āb* «охота»: *at* «лошадь», *āla* «пестрый»: *qara* «черный»),

⁷ Ср., например: тюрк. *bāy* «богатый» (лучше *bāy*, см. ниже) = монг. *bayan*, тунг. *bayan*.

после и перед всеми возможными согласными и т. д. Нельзя указать и какого бы то ни было морфологического условия, на основе которого можно было бы объяснить распределение количественных характеристик гласных.

Заявление автора о том, что «Дёрфер недостаточно убедительно отвергает возможность фонетического компенсаторного удлинения в тюркском» (стр. 44)⁸, представляется мне неосновательным. Такие случаи, как, например, монг. *bol-* «становиться» = тюрк. *böl-*, не указывают на существование изначальной, позднее утраченной алтайской конечной гласной (т. е. тюрк. *böl-* имеет долгую гласную без утраты конечной гласной, и, таким образом, компенсаторное удлинение исключается). Можно также сослаться на факты, когда в тюркском в первом слоге двусложных корней представлена как долгая, так и краткая гласная, например, *ala* «пестрый», *böri* «волк», но также *kiši* «человек», *qara* «черный». Здесь компенсаторное удлинение исключается явным образом. Можно найти и случаи, когда тюркский утратил первичную гласную в ауслауте и, тем не менее, имеет краткую гласную в основе, например монг. *siqa-* «давить, жать» = тюрк. *sīq-* (не **sīq-*), монг. *qiča* «баран» = тюрк. *qoç* (не **qōç*) и т. п. Если бы возникло желание обосновать это (совершенно ненужное) положение о компенсаторном удлинении, потребовалась бы целая система в высшей степени усложненных гипотез, предлагаемых ad hoc.

с) В соответствии с предлагаемым «путем постулирования отдельной фонемы в праязыке для каждого соответствия» в разбираемой статье устанавливаются (стр. 44).

тюрк. $\bar{V} \sim$ монг. $V \sim$ тунг. $V \sim$ *праалт. \bar{V}
 тюрк. $V \sim$ монг. $V \sim$ тунг. $V \sim$ *праалт. V

Но как при этом объяснить сокращение алтайской долготы в тунгусском? Л. Г. Герценберг приводит здесь четыре примера (из моей статьи), в которых представлено соответствие тюрк. $\bar{V} \sim$ монг. $V'V \sim$ тунг. \bar{V} (стр. 44):

	тюрк.	монг.	эвенк.
<i>ũčá</i>	«спина»	$\sim u'učá$	$\sim uguča$
<i>körük</i>	«пузырь»	$\sim kō'orge$	$\sim kūrge$
<i>tör</i>	«сеть»	$\sim to'or$	—
<i>batur</i>	«богатырь»	$\sim ba'atur$ ⁹	$\sim batur$

Монгольские примеры наводят автора «на мысль о просодическом происхождении долгот», и предлагается такая картина (стр. 44):

Праалт.	Тюрк.	Монг.	Тунг.
\dot{V} [—]	V	V	V
\dot{V} [— ˘]	\bar{V}	$V'V$	\bar{V} (например, тюрк. <i>körük...</i>)
\bar{V} [˘ —]	\bar{V}	V	V (например, тюрк. <i>bāy...</i>)

При таком толковании лишь долгота с интонированием — ˘ сохранилась не только в тюркском, но также и в тунгусском; долгота же с интонированием — —, напротив, осталась только в тюркском, а в тунгусском оказалась сокращена. На основе этого толкования для каждого звукового соответствия отдельных алтайских языков постулируется особая фонема в праалтайском, т. е. с точки зрения методической разработки проблемы — точно так, как в подобных случаях принято делать в индоевропеистике. В соответствии с этим делается и заключение: «Опыт индоевропеистики

⁸ Точнее говоря: удлинения первоначально краткой гласной как компенсации утраты гласной в ауслауте.

⁹ Впрочем, современное монгольское произношение чаще всего, но не всегда показывает долготу, например: орд. *ũča*, *körög*, *tor* (!), *batur*.

показывает, что выводы сравнительно-исторического алтайского языкознания вполне достоверны...» (стр. 45—46).

Тот факт, что звук данного языка может восходить к различным звукам праязыка, заметим между прочим, хорошо известен алтайцам. Так, например, среди монголистов общепризнано, что монг. *i* восходит как к древнему **i*, так и к древнему **ī*; почти все алтайцы признают, что тюрк. *o* (в начале слова) восходит как к **o*, так и к **p*-.

Последующие мои возражения изложу вкратце.

1. Тот факт, что тюркской долгой гласной в тунгусском регулярно соответствует краткая гласная, я совсем не рассматриваю в качестве единственного доказательства последовательности заимствования «тюркский > монгольский > тунгусский». Напротив, во многих моих работах подобран для этого целый ряд доказательств, внутри системы которых упомянутый факт составляет всего лишь крупицу¹⁰; в IV томе «*Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*» собранный материал сопоставляется еще раз.

Можно было бы подчеркнуть, что теория, которой я придерживаюсь, является как бы синтезом старой гипотезы, гласящей, что алтайские языки родственны, и точки зрения Клоусона, утверждающего, что, когда речь идет о тех общих словах в тюркском и монгольском, которые обозначаются как «алтайские», следует разуметь под ними сравнительно новые (датируемые VI в. н. э.) тюркские заимствования в монгольском. В выдвигаемом мною положении дело идет фактически также о тюркских заимствованиях в монгольском (и о монгольских заимствованиях в тунгусском), но о заимствованиях, относящихся к весьма отдаленным временам¹¹, так сказать, о заимствованиях на уровне праязыков, — как раз именно такие заимствования стоят очень близко к изначально родственным словам. Исходя из этого, можно объяснить, с одной стороны, многие (никоим образом не поверхностные) сходства между алтайскими языками¹²; с другой стороны, получает обоснование и тот факт, что эти языки никак не могут доказательно рассматриваться как родственные, т. е., в противоположность опыту индоевропеистики, родство алтайских языков до настоящего времени оспаривается.

2. Тот факт, что наряду со случаями, когда тюркской долгой гласной соответствуют краткие гласные в монгольском и тунгусском (например, тюрк. *bāu* «богатый» = монг., тунг. *bajan*), наблюдаются и отмечавшиеся выше четыре примера с иным соответствием — тюрк. $\bar{V} \sim$ монг. $V'V \sim$

¹⁰ В специальном разделе «Замечания о родстве так называемых алтайских языков» I тома моего труда «*Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*» исследуются условия, выполнение которых требуется для доказательства языкового родства вообще; в результате установлено, что алтайские языки не отвечают этим условиям. В подтверждение этому много частных исследований содержится в II—IV томах (Wiesbaden, 1965, 1967, IV — в печати). В рецензии на кн. D. R. Fokos-Fuchs, *Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft* (UJb, 36, fasc. 1—2, 1965) предлагается оценивать сходства в синтаксисе алтайских и уральских языков исключительно в плане типологическом, но не генетическом, а в рецензии на кн. B. Collinder, *Hat das Uralische Verwandte?* (IF, 71, Hf. 1—2, 1966) выдвигается понятие «динамической случайности», т. е. развития сходства через причинно не мотивированную конвергенцию.

¹¹ См. об этом в моих статьях: «*Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen*» (IF, 71, Hf. 1—2, 1966), «*Nomologe und Analoge Verwandtschaft*» (IF, 72, Hf. 1—2, 1967), «*Zwei wichtige Probleme der Altaistik*» (JSFOu, 69, 1, 1968).

¹² Ср.: «*Türkische Lehnwörter im Tadschikischen*», Wiesbaden, 1967, прежде всего — стр. 57—72, где показано, что при очень глубинном смещении двух неродственных языков могут заимствоваться даже так называемые базисные слова, например числительные, обозначения частей тела, а также суффиксы. Но в то же время и при глубинных заимствованиях все же сохраняются явные различия, например, в глагольной системе, — и такие различия характерны для алтайских языков.

~ тунг. \bar{V} (тюрк. $\bar{u}\check{s}a$ = монг. $u'u\check{s}a$ и т. п.)¹³, может быть легко истолкован с учетом того, что здесь представлены различные слои заимствований, относящиеся к различному времени и различным территориям (т. е. восходящие к различным древнетюркским диалектам). Хорошо известно, что определенному звуку праязыка могут соответствовать различные звуки в заимствующих языках, — особенно если этот первоначальный звук изменялся на разных стадиях языкового развития. Так, например, древнегерманскому * w - (билабиальному) во французском соответствует g - (ср. нем. *warten*/ *varn*!, др.-герм. *wardōn* = франц. *garder*), а поздненемецкому (нововерхне-немецкому) v - (дентолабиальному) во французском соответствует v - (нем. *walzer*/*valtsr*! = франц. *valse*). Итак, вышесказанное никоим образом не может быть истолковано как праалтайский феномен.

Далее. В моей статье «Die Entsprechung der türkischen Langvokale im Tungusischen» приводится также и случай тюрк. $t\bar{o}z$ «береза» = монг. *tous* (= калмык. *tōs*). Однако этот пример, даже и с точки зрения сторонников алтайской теории, не зависит от родства алтайских языков (тюрк. $-z$ = монг. $-s$ указывает в любом случае на заимствование). Этот пример ясно показывает: даже и в современных заимствованиях еще случается иногда, что тюркской долготе равным образом соответствует долгота в монгольском.

Кроме того, бросается в глаза, что отмечено тридцать четыре случая, когда тюрк. \bar{V} = монг., тунг. V (тюрк. $b\bar{a}y$ = монг., тунг. *bajan*), и только четыре, где тюрк. \bar{V} = монг. $V'V$. Это действительно неравное распределение. Однако и среди этих четырех примеров в одном случае в современном монгольском представлена краткость (ср. современное ордосское и и т. д. *tor*, но монг.-письм. *to'or*). Далее, для этих четырех примеров имеется только три тунгусских соответствия — и те распадаются, в свою очередь, на два типа: в двух из этих соответствий представлена \bar{V} (*kūrge*, *bātur*), а в одном — сочетание кратких гласных одинакового качества с согласной VgV (*ugiča*). Можно ли, в самом деле, столь разобщенные единичные примеры противопоставлять тридцати четырем ясным примерам, которые подтверждают сформулированное мной положение?

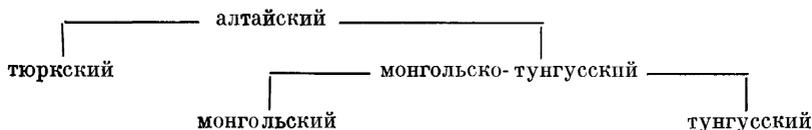
Представляется, что эти тунгусские примеры могут быть объяснены иначе: эвенк. *ugiča* должно быть прямым заимствованием из монгольского, именно восходить к старой форме **uγiča* (разумеется, здесь могло быть подражание тюркскому интонированию $\bar{u}\check{s}a$, см. ниже, пункт 4). Здесь $-g$ сохранился точно так, как и в тех монгольских словах, которые не подтверждаются тюркским материалом, например: монг. *irüge-* «молиться», баргузинско-эвенк. *hirugē-*, солонск. *irügē-* (ср., однако, маньчж. *firu-* с утраченным $-g$). Напротив, эвенк. *kurge*, ламутск. *kūrge* происходит непосредственно из монгольского, но проникло в северотунгусский из южнотунгусского (разумеется, эвенк. *kurge* со своей краткой гласной могло происходить также из бурят. диалектн. **kūrge*, совр. бурят. *xūrxe*, ср. бурят.-письм. $x\bar{ō}rxe$). Утрата $-g$ - типична для южнотунгусского. Ср.: маньчж. *huju-* «раздувать кузнечные меха», нанайск. *kuēge* «кузнечные меха», ульчск. *kuēge*, орокск. *koddo*, *kudu*, удэйск. *kuge*, ороцк. *kugge*, негидальск. *kuige*, *kidge*. Слово это не восходит к прамонг. **kōrgä*, но к **kögörgö*. Это может быть подтверждено и такими чисто монгольскими словами, не имеющими тюркских соответствий, как, например, монг. *uγuta*, *uuta* «мешок» (средневекомонг. *hu'uta*) = нанайск. *potačan*, ульчск. *potačan*, удэйск.

¹³ Во всяком случае, это никак не противоречит тому положению, что в прамонгольском, по всей вероятности, не было долгих гласных, и ни монгольский, ни дагурский, не указывают на изначальные монгольские долгие гласные (см. об этом в нашей статье «Langvokale im Urmongolischen?», I — JSFOu, 65.4, 1964, II — 70.1, 1970).

putasa (из-за *p* — заимствование из нанайского), ороцк. *hutaka* — но также эвенк. *hutakān* (но не нечто вроде* *hugutakān*), ламутск. *hutkān*, негидальск. *hotaxān*, солонск. *utxā*. Таким образом, слово утратило в северо-тунгусском *-g*; это явно монгольское заимствование, которое проникло через южнотунгусский. Этот путь можно было бы восстановить в следующем виде: ранне-монг. **puḡuta* > южнотунг. **puḡuta* (а в уменьшительной форме, которая продуктивна именно в тунгусском, — **puḡutakān*; **puḡutačān*), позднее, когда **puḡuta* преобразовалось в **puuta* и далее — в **pūta* > **puta*, последняя проникла в северо-тунгусский. Таких примеров имеется множество. Именно сюда относится также эвенк., ламутск. *bātur* «герой» = нанайск. *bātor*, маньчж. *baturu* < прамонг. *baḡatur*. Это монгольское слово нельзя, однако, возводить непосредственно к др.-тюрк. *bātur*¹⁴; напротив, оно восходит к древнему жуужанскому (*ḡuaḡ-ḡuaḡ*, resp. — аварскому) титулу, который уже в китайских источниках представлен как слово, состоящее из трех слогов: *mo-ḡo-du*. Это слово соединило в себе множество проблем, между тем, как предложенный упрощенный подход не считается со сложным положением вещей. Вообще, все трудности и противоречия, с которыми мы сталкиваемся в этой группе немногочисленных примеров (в частности, почему монгольскому *-V'V-* в эвенкийском соответствует *to-VgV-*, то *-V̄-*, то *-V-*?), не могут быть разрешены средствами прямолинейной гипотезы о родстве алтайских языков. Гибкое учение о заимствованиях, признающее, что заимствования различными «волнами» в разное время проникали в алтайские языки, представляется здесь более целесообразным и действенным.

Короче говоря, имеется ясный нормальный случай: соответствие тюрк. *V̄* = монг. *V* = тунг. *V*; наряду с ним есть некоторые разобщенные примеры, объяснять которые нужно в соответствии с обстоятельствами их бытования в языке.

3. Бросается в глаза, что тунгусские формы всегда скрупулезно точно соответствуют монгольским. Речь идет не только о краткости гласных (тюрк. *bāu* = монг., точно так же и тунг. *bayan*), но и о поразительных примерах вроде тюрк. *āla* «пестрый» = монг. *alaḡ* = эвенк. *alag*, маньчж. *alha* и т. д. (морфологическое соответствие); тюрк. *yōl* «дорога», побочное значение: «счастье» = монг. *ḡol* «счастье» = эвенк. *ḡol* «счастье» (семантическое соответствие); тюрк. *qānat* «отдельные части, из которых состоит решетка юрты» = монг. *qana* (в новомонгольском это *-n*-основа, т. е. <**qanan*, без тюркского *-t*; этот тюрк. *-t* явно воспринимался путем ложного его вычленения как показателя мн. числа, и поэтому было сконструировано «правильное» ед. число *qana* ~ *qanan*) = эвенк. *kana*, солонск. *xana*, маньчж. *hana* и т. д. Большое число таких точных соответствий тунгусского монгольскому следует рассматривать в их совокупности, которая не может основываться только на случайности. Представляется также невозможным, исходя из теории «генеалогического древа», реконструировать развитие:

Точно так же нельзя, опираясь на «теорию волн», признать более тесное объединение («языковой союз») монгольского и тунгусского — подобное объединение обычно способствует появлению большего числа сходств также и у языков, изначально родственных. Такие типичные случаи, как лож-

¹⁴ См. об этом: «Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen», II, стр. 368—371.

ное вычленение того или иного «грамматического показателя», со всей ясностью указывают на заимствование. Впрочем, я вообще сомневаюсь в действенности как теории «родословного древа», так и «теории волн»¹⁵.

4. Л. Г. Герценберг конструирует для праалтайского языка три просодических единицы — \check{V} , \acute{V} , \bar{V} (стр. 44). В настоящее время представляется возможным доказать, что в тюркском, действительно, были три изначальных просодических единицы, например, для звука $a : a$ (краткий, примерно соответствующий \check{V}), \bar{a} (простой долгий, без падения тона, примерно соответствует \bar{V}), \hat{a} (дифтонгический долгий, с падающим тоном, приблизительно соответствующий \acute{V}). Подтверждение этому обнаруживается в халаджском, языковой группе, открытой в Центральном Иране¹⁶. См., например, в халаджском *hat* «лошадь» < пратюрк. **pat(a)*, *bāš* «голова» < пратюрк. **bāš(a)*, *āt* «имя» < пратюрк. **āt(a)*¹⁷; ср. у Махмуда Кашгары *at*, *bāš*, *āt*; в туркменском *at*, *baš*, *āt*, т. е. простая долгота в туркменском подверглась сокращению. Подобное неодинаковое отношение тюркских языков к вокалическим долготам разного качества можно рассматривать совсем в параллель к предположению Герценберга, что в тунгусском сохраняется только праалт. * \check{V} , напротив, * \acute{V} подверглась сокращению; более того, добытый материал, как нам представляется, может служить подтверждением этого предположения. Теперь соответствуют, причем уже не приблизительно, пратюрк., халадж. * a , * \bar{a} = монг., тунг. a и пратюрк., халадж. * \hat{a} = монг., тунг. $a'a$, \bar{a} ; одновременно нормальными являются соответствия пратюрк., халадж. * a , * \bar{a} , * \hat{a} (все вместе) = монг., тунг. a ¹⁸; редкие случаи монг., тунг. $a'a$, \bar{a} должны быть объяснены совсем иначе (см. выше). В лучшем случае эта теза могла бы быть спасена, если бы принять, что в праалтайском было ч е т ы р е просодических единицы, например тюрк. * a < праалт. * \hat{a} (краткая, с повышающимся тоном), тюрк. * \bar{a} < праалт. * \check{a} (краткая, с понижающимся тоном), тюрк. * \hat{a} < праалт. * \bar{a} (долгая, с повышающимся тоном, дает монг., тунг. a) и соответственно тюрк. * \hat{a} > праалт. * \check{a} (долгая, с понижающимся тоном, дает монг., тунг. $a'a$, \bar{a}); подобная система представлена в сербскохорватском языке. И тем не менее, это всего лишь рискованная гипотеза, ибо ни один из алтайских языков не указывает непосредственно на такую систему, которая весьма усложнена (сербскохорватская система возникла лишь как вторичная; к тому же, индоевропейские системы, подобные намеченной, нельзя сразу прямо переносить на другие языковые группы).

5. На стр. 45 Л. Г. Герценберг упрекает меня в том, что мною «не рассматривается множество других возможных схем: тюрк. $V \sim mo$. $V \sim$ тунг.-ма. \bar{V} и др.», помимо тех, которые были изучены. Надо сказать, что (еще до написания моей статьи) я пытался найти примеры и доказательства иных схем, но безуспешно. Подобного рода соответствия не подтверждаются. И сам автор не смог привести ни одного примера такого типа.

¹⁵ См.: «Bemerkungen zur linguistischen Klassifikation», IF, 76, 1971.

¹⁶ G. D o e r f e r, Die Türkisprachen Irans, «Türk dili arařtırmaları yıllığı. Belle-ten», Ankara, 1969, стр. 17; ег о ж е. Das Chaladsch, eine neuentdeckte archaische Türkisprache, ZDMG, Supplementa I, 1969, стр. 722; G. D o e r f e r, W. H e s c h e, H. S c h e i n h a r d t, S. T e z s a n, Khalaj materials, Bloomington — The Hague, 1971, стр. 183—267; Г. Д е р ф е р, О состоянии исследования халаджской группы языков, ВЯ, 1972, 1.

¹⁷ Устанавливаемое развитие халадж. a < пратюрк. * a , \bar{a} < * \bar{a} , \hat{a} < * \hat{a} подсказано самим материалом, и опровергнуть его трудно. Итак, в тюркском праязыке было три просодических единицы, и теория оппозиций * $a : \bar{a} : \hat{a}$ дает им наиболее правдоподобное и простое объяснение.

¹⁸ Таким образом, как раз и пратюрк. **bāya(n)* «богатый» > монг., тунгусск. *baγan*.

6. Многие детали в рассматриваемой статье освещаются ошибочно. Во всяком случае, из тех, по мнению автора, «бесспорно» родственных алтайских слов, которые он приводит на стр. 41—42, многие неприемлемы даже для сторонников алтайской гипотезы (например, монг. *on* «год» — тюрк. *ön*- «выступать»); из двадцати тюркско-монгольских сопоставлений я со своей стороны мог бы принять лишь восемь. Ряд ошибок проистекает из незнания более ранних ступеней развития тюркских языков. Например, соответствие монг. *nabči* «лист» = тюрк. *yapraq* ошибочно потому, что древнейшая тюркская форма — *yalpırıraq*, из которой лишь вторично происходит *yapırıraq*, а еще позднее — *yapraq*. Значительная же часть ошибок основывается на том, что и.-е. аблаут переносится на алтайские языки.

7. И, наконец, методически наиболее весомая ошибка: алтаистику нельзя уподоблять индоевропеистике. У них совсем различное содержание, и многое из того, что в индоевропейских языках может быть вполне действительным, совершенно не относится к алтайским языкам. Пора раз и навсегда освободиться от предвзятости «трижды святой индоевропеистики», как ее иронически называет мой учитель К. Менгес.

Ни один из алтайских языков, например, не обнаруживает какого бы то ни было разрушения старой падежной системы, которое в индоевропейской языковой группе типично для английского или французского. Напротив, алтайские языки в этом отношении производят впечатление консервативных (для индоевропейских языков консервативность падежной системы наблюдается в русском и, в еще большей мере, в литовском). Примечательно при этом, что тунгусский, письменно зафиксированный в более позднюю пору (тексты датируются XV веком), производит впечатление наибольшей древности (не только в отношении падежной системы), а тюркский, письменные памятники которого известны для гораздо более раннего времени (VIII в.), — наименее архаичен¹⁹.

Во всяком случае можно довольно точно реконструировать тюркский, монгольский и тунгусский языки путем простого сравнения внутри каждой из этих языковых групп отдельно, даже и не привлекая к сравнению другие алтайские группы. Последние уточняющие детали дает сравнение этих трех языковых групп между собою. Подобное сравнение позволяет установить три изначальные структуры, которые в методическом отношении несопоставимы с индоевропейской языковой структурой.

По этой причине рискованным является методический прием, продемонстрированный на стр. 38: получается, что факт различия между алтайскими словами для основных понятий (различия в «так называемой устойчивой лексике») можно не считать аргументом против родства алтайских языков, поскольку автор при этом ссылается на то, что в современных индоевропейских языках существуют подобные же различия и, тем не менее, эти языки родственны. Из сопоставляемых в статье рядов слов возьмем слова со значением «луна»: в монгольском * *sara* (современная форма *saran* является аналогичным образованием по отношению к *narān* «солнце»), тюрк. * *râu* в соответствии с халадж. *hâu*, иначе: тюрк. *âyü*, тунг. * *biłga*. Далее приводятся такие индоевропейские формы, как русск. *луна*, новогреч. *φεγγήρι*, франц. *lune*, новоирл. *gealach*, нем. *Mond*, санскр. *candra*, которые равным образом являются весьма различными, — но они и не могли бы быть оценены как доказательство против прародства индоевропейских языков.

Против такого приема можно возразить следующее.

Во-первых, нельзя признать методически удачным то, что алтайские праформы, сопоставляются с современными индоевропейскими формами.

¹⁹ Ср.: N. P o p p e, *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, Tl. 1, Wiesbaden, 1960, стр. 6; K. H. M e n g e s, *Die tungusischen Sprachen*, в кн.: «Handbuch der Orientalistik», 1 : 5 : 3 — Tungusologie, Leiden — Köln, 1968, стр. 23.

В самом деле алтайские тексты, из которых извлечены эти слова, датируются никак не XX веком, а соответственно VIII, XIII, XV веками. (Кроме того, сравнение заимствований позволяет проникнуть еще глубже на многие столетия, например, сделать это для старых монгольских заимствований в тунгусском, где их древний облик подтвердил древнейшие монгольские формы²⁰). Столь же неудачно и то, что слова отдельных языков из различных индоевропейских языковых групп (например, немецкого вместо прагерманского) ставятся на одну доску с соответствующими праформами целых алтайских языковых групп. Из алтайских языковых групп (точно так же, как и из индоевропейских) нам известны не только единичные языки, но целый ряд языков. В действительности внутри самих алтайских языковых групп имеется ряд предпосылок, которые позволяют в плане истории языков работать намного лучше, чем это может предположить индоевропеист. Во всяком случае, при изучении других языковых семей (например, банту) были достигнуты удовлетворительные результаты, хотя эти языки были засвидетельствованы в гораздо более позднем состоянии, нежели алтайские. Теперь общеизвестно, что тем больше соответствий обнаруживается у родственных языков (соответственно: у языковых ветвей), чем глубже в них проникают во временном отношении и чем больше отдельных языков (соответственно: диалектов) охватывают при изучении: например, для лат. *tacere* «молчать» в современном верхненемецком нет соответственного слова, но ср. ср.-в.-нем. *ver-dagen*, гот. *ŷahnjan*. Подобными способами, с одной стороны, углубления материала, а с другой — его расширения следовало бы воспользоваться и в алтаистике.

Во-вторых, здесь не принимается во внимание, что в качестве соответствий к *Mond* (в поэтическом языке оно может обозначать «месяц», например: «viele Monde vergingen») выступают русск. *месяц*, новогреч. *μήν*, ирл. *mí*, санскр. *mās-*. Здесь представлен как раз типичный для индоевропейских языков случай: там, где, на первый взгляд кажется, не существует ничего общего, более точное диахроническое исследование обнаруживает, тем не менее, сопоставимые явления. Это, однако, совершенно не типично для алтайских языков: **sara*, **pāy*, **biāga* были и остаются разобщенными формами, и не обнаруживается соответствий, например, монгольскому *sara* в тюркском слове со сходным значением. (Соответствия вроде монг. *ron* «год» = маньчж. *fon* «время», во всяком случае, весьма редки).

В-третьих. Для индоевропейских языков характерно еще и другое — при более точном исследовании часто оказывается, что индоевропейские слова различных языков родственны друг с другом не непосредственно, но восходят к общим корням. Так, русск. *луна*, лат. *luna* хотя и не родственны нем. *Mond*, однако, русское и латинское слово произведены от чисто индоевропейского корня **louk/leuk*, дериват которого равным образом представлен и в немецком (ср. *Licht* «свет», *leuchten* «светить»). Вообще представляется, что в индоевропейском для передачи основных понятий используется значительно больше корневых образований, чем в алтайских языках, — это еще одно основополагающее структурное различие между алтайскими и индоевропейскими языками, которое ни в коем случае нельзя оставлять без внимания. Именно поэтому так опасно достижения, полученные при исследовании индоевропейских языков, применять к алтайским языкам, структурированным совершенно иначе. Если в индоевропейских языках имелось, по-видимому, сравнительно небольшое число корней, от

²⁰ См.: N. Poppé, On some ancient Mongolian loan-words in Tungus, «Central Asiatic Journal», XI, 3, 1966.

которых благодаря сильно развитому словопроизводству было получено большое количество основ, то, напротив, в алтайском, как представляется, существовало и прежде значительно большее число корней. Герценберг сам на стр. 39 объясняет, как возникали различия отдельных индоевропейских форм: иногда это «результаты дивергенционного развития в пределах ряда семантических полей и групп», иногда это производные слова от различных корней — но так или иначе, в конечном счете материал отдельных индоевропейских языков, если проникать в него все глубже, позволяет объяснять эти различия из общего индоевропейского фонда соответствий. Но именно такой метод едва ли применим к алтайским языкам: монг. **sara*, тюрк. **pâu*, тунг. **biāga* каждое само по себе являются четко разграниченными, так сказать, монолитными единицами; ни одно из этих слов не может быть найдено ни в одном из других алтайских языков непосредственно; ни одно из этих слов не может быть объяснено из какого-либо корня, засвидетельствованного в том или ином алтайском языке.

По сути дела, стало быть, не обязательно, чтобы слова языков изначально родственных (или, соответственно, тех, родство которых доказывается) были бы взаимосвязаны между собой (в этом смысле обоснована критика статьи Дж. Клоусона Герценбергом), необходимо только, чтобы были взаимосвязаны корни таких слов. В индоевропейском такая взаимосвязь корней реально существует, а в алтайском — нет²¹.

У меня складывается впечатление: чем глубже языковеды проникают в индоевропейские языки, тем более убеждаются — при всех лежащих на поверхности различиях — в их первоначальной общности. И напротив: чем глубже проникают в алтайские языки, тем более убеждаются — при всех их поверхностных сходствах — в изначальной разобщенности алтайских языков. Это свое впечатление я мог бы обосновать, опираясь на проведенные мною исследования; ограничусь, однако, кратким, чисто информативным объяснением.

а) В алтайских языках не представлены полные звуковые соответствия. Это становится особенно очевидным, если для сравнения обратиться к тому, как это представлено в индоевропейских языках. В отдельных индоевропейских языках, в общем, можно все фонемы возвести к первичным индоевропейским фонемам, и для всех фонем индоевропейского праязыка, в свою очередь, имеются соответствия в отдельных индоевропейских языках. (И если некоторые звуки, как например, [b], [th] встречаются несколько реже, то это касается всех индоевропейских языков). Совсем иначе обстоит дело в алтайских языках. Например, для слов, которые в монгольском имеют в начальной позиции *m*-, в тюркском нет соответствий. Если бы монгольским словам с *m*- можно было бы в тюркском найти соответствия в виде слов с другим согласным в анлауте, например, с *b*-, тогда не было бы пробела в звуковых соответствиях, и звуковые системы монгольского и тюркского языков можно было бы свести к совместимой первичной системе. В действительности таких соответствий нет; совсем напротив: для всех многочисленных монгольских слов, которые

²¹ Работы об алтайских корнях чрезвычайно редки и к тому же содержат изрядное число ошибок; единственное сколько-нибудь объемистое исследование в этой области см.: N. P o p p e, Remarks on some roots and stems in Mongolian, «Silver jubilee volume of the Zinbun-Kagaku-Kenkyusyo», Kyoto, 1954, стр. 294—300.

В. П. Шмид высказал предположение, что алтаистам, по-видимому, чуждо понятие корня — см. его рецензию на книгу Н. Поппе «Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen», [IF, 69, Hf. 3 (1964), 1965]. В этом, действительно, есть значительная доля истины; подобное утверждение находит себе объективное обоснование в том именно, что в алтайских языках не столь чрезмерно употребление производных от корня слов, как в индоевропейских языках.

начинаются на *m-*, в тюркском не обнаруживается вообще никаких сопоставимых слов — ни таких, которые тоже имели бы в анлауте *m-*, ни слов с начальным *b-*, ни слов с каким-либо другим согласным в анлауте. (Исключение: когда в ближайшем слоге следует назальный — но это исключение только кажущееся, так как в подобных случаях монг. *m-* возникло из *b-*, ср. *bi* «я»: *mini* < **binu* «мой» и т. д.). Из девяти приведенных Н. Поппе тюркско-монгольских примеров [соответствия к монг. *menge* «родимое пятно, родинка», *moynoγ* «подгрудок (меховой шкурки)», *mingqaγ* «глупость», *mügere-* «мычать, реветь», *möngke* «вечный», *monçoγ* «ожерелье», *meriyen* «пестрый», *miqan* «мясо», *muqu-* «затупить»²²] пять корней имеют в своем составе назальные *-ng*, *-n*; *mügere-* соответствует тюрк. *büyük-* (таким образом — точно так же с *γ*; к тому же оно, вероятно, звукоподражательное); *meriyen* — всего лишь рифмующееся слово («слово-эхо») в парном *eriyen meriyen*, оно не является самостоятельным²³; хотя монг. *miqan* «мясо» связывается с тюрк. *büqin* «почки; пахи», семантически они не однозначны; в случае с *muqu-* Поппе сам помечает соответствующие тюркские слова как заимствования из монгольского.

В монгольском есть целый ряд звуков, для сопоставления которых в тюркском нельзя найти соответствующих слов. Напротив, в тюркском нет звука, для которого в монгольском не было бы соответствий. Но это может означать только то, что звуковая система, общая для монгольского и тюркского, определена тюркская (точнее: пратюркская). А это, в свою очередь, значит, что, когда говорят об «алтайских» элементах, в действительности речь идет о тюркских заимствованиях в монгольском. (Все другие предположения, как это легко показать, ведут к логическому противоречию). Иначе говоря: в то время как индоевропейские языки обнаруживают совместимую первичную звуковую систему (исходя из которой можно объяснить все звуки в отдельных языках), тюркский и монгольский указывают на несовместимые прасистемы²⁴: в особенности монгольская имеет несопоставимые звуки. Поэтому тюркский и монгольский не могут быть родственны; речь может идти только о тюркских заимствованиях в монгольском. Подобные соображения могут быть высказаны и в отношении монгольского и тунгусского (здесь дело идет о монгольских заимствованиях в тунгусском). Именно этот первый пункт в цепи других доказательств изначальной разобщенности алтайских языков изложен здесь несколько подробнее для того, чтобы показать, с какими сложными соображениями связана проверка алтайской гипотезы; во всяком случае, для этого совершенно недостаточным оказывается простое сравнение лексического материала. Большинство исследователей, которые поддерживают алтайскую гипотезу, довольствуются тем лишь, что подбирают ряд сопоставлений из отдельных слов, которые хоть сколько-нибудь схожи друг с другом, но не исследуют системы звуков в целом.

б) В алтайских языках сплошь и рядом можно найти только разобщенные сопоставимые слова (соответственно — сопоставимые корни) и редко удается провести сопоставления внутри семантически связанных лек-

²² N. P o p p e, Vergleichende Grammatik..., стр. 34—36, 37.

²³ Рифмующихся парных слов такого типа, в которых второй компонент начинается на *m-*, в монгольском, как и в тюркском, много; причем этот второй компонент обычно лишен смысла (см., например: L. B e s e, Zwillingswörter im Mongolischen, «Acta Orient. Hung.», VII, 2—3, 1957, стр. 200—206): *xoni moni* «овцы» и т. п., при этом *moni* как самостоятельное слово не существует.

²⁴ Несопответствия в алтайских фонологических системах, более того — их принципиальная несовместимость будут показаны в подготовляемой мною книге «Versuch einer vergleichenden Phonetik der altaischen Sprachen». Указания на эту несовместимость см.: «Türkisch -n > tschuwaschisch -m?», UAJb, 39, Hf. 1—2, а также: «Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen», I, стр. 57—63.

сических групп. Но и там, где имеются эти последние, они, скорее всего, указывают на заимствование. Например, в алтайских языках является общей терминология, связанная с разведением верблюдов. Но и здесь речь идет об очень новых заимствованиях, ср. монг. *tayika* «верблюд-двухлетка» = тюрк. *taylaq*, при том, что тюркское слово представляет собой производное от тюрк. *tay* «двухлетняя лошадь», которое восходит к более древнему *tañ*. А это свидетельствует о том, что монгольское слово могло быть заимствовано только приблизительно с X в., когда тюрк. *ñ* перешло в *y*. С точки зрения культурно-исторической также можно доказать, что первоначально *Camelus bactrianus* постепенно распространялись с запада на восток²⁵. В то время как в индоевропейских языках общая терминология как для домашних, так и для диких животных наблюдается примерно одинаково часто, в алтайских языках общая терминология существует почти исключительно для домашних животных — но здесь вполне возможно предположить, что речь идет как раз о культурных заимствованиях: с распространением различных видов домашних животных с запада на восток принималась и соответствующая терминология.

Отсутствие общих числительных в алтайских языках также не может быть объяснено столь «сравнительно просто», как это пытается сделать Герценберг (стр. 36). Короче говоря, и здесь мы также должны не довольствоваться несколькими разобщенными сопоставлениями, но, учитывая систему в целом; а такой учет указывает именно на языковые контакты, но не на родственные отношения между алтайскими языками.

с) Алтайская морфология дает только ограниченное число точно сопоставимых черт, однако, и это многое при ближайшем рассмотрении довольно легко может быть истолковано как результат заимствования²⁶.

d) Если индоевропейские языки, которые действительно родственны, обнаруживают тем большее сходство между собой, чем хронологически глубже они прослеживаются, то в алтайских языках все как раз наоборот. В настоящее время тюркский и монгольский языковые типы весьма схожи; однако, в более ранние периоды эти языки обнаруживают очень различные системы (например, в глаголе, в области согласования), которые впоследствии претерпели явственную вторичную конвергенцию.

e) При ближайшем рассмотрении в алтайских языках нельзя найти ясных критериев для разграничения заимствованных и изначально родственных слов. Если сравнивать, к примеру, латинский и немецкий, то можно точно установить, что *centum* и *hundert* «сто» должны быть изначально родственными, а нем. *Kessel* «котел», напротив, заимствовано из лат. *catillus*. Подобное разграничение для алтайских языков невыполнимо²⁷, и в таких случаях было бы осмотрительнее предполагать заимствования, поскольку это менее категорическое утверждение, чем предположение о праязыковом родстве.

Чтобы показать, в сколь малой степени поддается здесь разграничению заимствование и явление, обусловленное языковым родством, достаточно привести лишь один характерный пример. Поппе, сторонник алтайской

²⁵ См. об этом: «Türkische und mongolische Elemente...», II, стр. 669 и сл. — главное слово 1015, а также соответствующее добавление к IV тому.

²⁶ Один из примеров этого см.: «Türkische und mongolische Elemente...», IV, Kapitel «Bemerkungen zur Altaistik» (Abschn. «Bedingungen B», Punkt 3). В подготавливаемой мною в настоящее время работе «Versuch einer vergleichenden Morphologie der altaischen Sprachen» будет показано, что в алтайских языках общими являются, собственно, только очень немногие морфемы — главным образом, своего рода «космополитические» морфемы, например, аффикс *Nomen agentis -či*, который, как и некоторые другие, усвоен и стал продуктивным в ряде иранских и кавказских языков; в остальном же обнаруживаются несовместимые системы.

²⁷ См. об этом: «Türkische und mongolische Elemente...», I, стр. 51—54.

теории, на стр. 95 своей «Vergleichende Grammatik...» помечает монг. *garu-* «копать» и маньчж. *garqa-* «царапать; скрести» как изначально родственные, а на стр. 17 говорит, что маньчжурское слово заимствовано из монгольского; на стр. 128 монг. *kegeli* «живот» и маньчж. *kefeli* (правильно: *xefeli*) объявляются родственными, а на стр. 47 читаем, что маньчжурское слово заимствовано из монгольского. И многие слова, которые Поппе в своей «Vergleichende Grammatik...» (далее — 1960) обозначает как изначально родственные, в его более поздней работе о древних монгольских заимствованиях в тунгусском (далее — 1966)²⁸ уже представлены как монголизмы в эвенкийском, например: эвенк. *bogoli* «веревка» (1960, стр. 21: родственное; 1966, стр. 180: заимствованное), эвенк. *gudige* «желудок» (1960, стр. 24: родственное; 1966, стр. 190: заимствованное).

ф) Можно показать, что тюркский и монгольский имеют много общих черт; точно так же много общих черт у монгольского и тунгусского. В то же время у всех трех групп в совокупности — у тюркского, монгольского и тунгусского — таких общих черт существует мало; более того: между тюркским и тунгусским, при условии исключения монгольского, и вовсе нет общих черт (соответственно очень немногочисленны в них фонетически и семантически схожие слова, которые легко могут быть объяснены как результат случайного совпадения — точно так же, как, например, ниже следующие: монг. *ax* «брат», *abu* «отец» = араб. *ax*, *abū*, коптск. *šoine* = нем. *Scheune* «сарай», произносится [šoinə], греч. *pente* «пять» = индейск. [йемез] *penta*). Этот факт не может быть достоверно объяснен с помощью гипотезы, сходной с индоевропейской теорией волн (которая в настоящее время уже устарела, и итеется в виду только тохарский). Напрашивается иное объяснение этого факта: тюркизмы проникали в монгольский; тунгусский заимствовал ряд слов из монгольского, причем среди монгольских заимствований есть и такие, которые в монгольский проникли из тюркского; что же касается тюркского и тунгусского языков, то они в более древние периоды не имели никаких контактов.

Эта аргументация была выдвинута уже Абель-Ремюза в начале прошлого века²⁹, и не я один ее придерживаюсь³⁰. Она по сей день не была опровергнута никем из сторонников алтайской теории; мало того, никто из них не сделал даже и попытки остановиться на разборе этой аргументации сколько-нибудь подробно.

г) Общие алтайским языкам слова, обозначаемые как изначально родственные, часто обнаруживают специфические диалектные черты, что заставляет предполагать заимствование из определенных контактировавших диалектов.

h) Алтайская гипотеза заключает противоречия в самой себе. Так, тюрк. *köşik* «занавес» должно было бы, с одной стороны, быть родственным с монг. *köšige* (из-за *-e*), но одновременно, с другой стороны — быть в монгольском заимствованным (по причине *š*, поскольку у родственных слов, как полагают алтаисты, тюрк. *-š-* соответствует в монгольском *-l-*).

и) Именно глагольные системы алтайских языков невозможно возвести к общей изначальному системе, ибо они несовместимы³¹. И тем более не-

²⁸ N. Poppé, On some ancient Mongolian loan-words in Tungus.

²⁹ J. A b e l - R é m u s a t, Recherches sur les langues tartares, I, Paris, 1820, стр. 138.

³⁰ См.: «Türkische und mongolische Elemente...», I, стр. 92—94; ср. также, например: G. K a r a, Le dictionnaire étymologique et la langue mongole, «Acta Orient. Hung.», XVIII, 1—2, 1965, стр. 2.

³¹ Даже и Герценберг не пытается оспаривать это (см. стр. 35—36) ссылками на современные индоевропейские языки — они хотя и различны, но не несовместимы; «несовместимыми» называют обычно системы, различающиеся таким образом, что родство непосредственно исключается.

схожими становятся эти отдельные системы, чем глубже мы прослеживаем их в прошлом (см. пункт е).

Однако то обстоятельство, что в алтайских языках мало общих черт, само по себе еще не говорит против их родства. Тем не менее, их общие структуры таковы, что при ближайшем их рассмотрении родство оказывается исключенным. Тот факт, что для обозначения, например, времени в тех или иных языках отсутствуют лексические параллели, сам по себе не способен опровергнуть генетическое родство этих языков, и в этом прав в известной мере И. В. Кормушин³². Однако ссылка на то, что, скажем, русск. *осень*, франц. *automne*, нем. *Herbst* не имеют сколько-нибудь непосредственного отношения друг к другу, еще ни о чем не говорит. Решающим является другое: все названные слова могут быть возведены к индоевропейским корням, которые в общем, смотря по обстоятельствам, отложились в других индоевропейских языках (об этом пишет сам Кормушин) — но как раз этого нет в соответствующих алтайских обозначениях (тюрк. *küz*, монг. *namur*, тунг. **bola*).

Своеобразно то, что сторонники алтайской гипотезы в коллективном труде «Проблема общности алтайских языков» не заметили, что их возражения А. М. Щербаку и Дж. Клоусону легко могут быть обращены против них самих и тем самым — против алтайской гипотезы. Исследование алтайского лексического материала в целом может проводиться по трем слоям или ступеням: уже в самом поверхностном слое выясняется, что алтайские языки для обозначения, например, времени едва ли имеют общие слова. Проникая ступенью глубже, можно, казалось бы, факт отсутствия таких слов истолковать, прибегая к индоевропейской параллели: различия в словарном составе не исключают родства. Когда же в алтайский материал проникают еще одной ступенью глубже, то становится ясным, что алтайские и индоевропейские языки структурно не соотносимы, и индоевропейская параллель ничего не значит для алтайских языков. Хотя в отдельных индоевропейских языках и не представлены отдельные слова, все равно корни их идентифицируются как общие индоевропейские, — но как раз этого и нет в алтайских языках.

Следует еще заметить, наконец, что слишком многие лексические параллели, выдвинутые сторонниками алтайской гипотезы, ошибочны или сомнительны, а это вызывает недоверие к полученным результатам. Снова и снова наблюдается такая картина: выдвигаемая алтаистами параллель с первого взгляда выглядит безупречной и принимается в качестве истинного аргумента, подкрепляющего алтайскую гипотезу. Однако стоит только тщательнее углубиться в сопоставляемые явления, как в большинстве случаев очень скоро обнаруживается ущербность выдвинутой параллели.

Подобные ошибки снова и снова упираются в методическую сторону вопроса: звуковые законы хотя и выдвинуты, но их перестают соблюдать тотчас, как только начинают настаивать на несомненности сходства той или иной пары слов (это то же самое, как если бы индоевропейец вознамерился сравнивать англ. *to call* и греч. *καλέω*, хотя установленные индоевропейской звуковые законы исключают такое сопоставление).

Нередко неправильны сведения о семантике сопоставляемых слов. Часто к сравнению привлекаются типичные культурные слова, а не так называемая устойчивая лексика.

Не принимается во внимание лингвогеографическая точка зрения. Что сказал бы индоевропейец, если бы вдруг стали сравнивать как «индоевропейские изначально родственные слова» нем. *Sauerkraut* (в эльзасском

³² См.: И. В. К о р м у ш и н, К методике сравнительного изучения алтайских языков, «Проблема общности алтайских языков», стр. 27.

диалекте *sürkrüt*) „кислая капуста“ и франц. *choucroute*? А в алтаистике подобные сопоставления встречаются сплошь и рядом.

Не принимается во внимание и хронология слов. Например, сравниваются в качестве родственных такие слова, как монг. *aqa* «старший брат» = тюрк. *aqa* то же, хотя *aqa* в тюркском впервые отмечается, начиная с монгольского периода, и явным образом проникло из монгольского языка (в древнетюркском «старший брат» передается словом *eči*).

Часто сравниваются слова, которые остаются непроанализированными, в которых не выделены корень и аффикс. Например, сравниваются монг. *qarayı*-«темнеть» и тюрк. *qârîq*- то же. При этом за пределами внимания исследователя остается тот факт, что древнейшее значение тюркского слова — «становиться ослепленным блеском снега», и это слово — производное от *qâr* «снег». Напротив, монгольское слово является производным от *qara* «черный». Иначе говоря, сравнение состоялось бы только в том случае, если бы снег был черным.

Сопоставляются только отдельные слова, вне их понятийных полей³³. В результате такие явления, как контаминации, образования по аналогии полностью ускользают от внимания сторонников алтайской гипотезы.

Часто праформы конструируются *ad hoc*, хотя в отдельных алтайских языках — при непредубежденном рассмотрении — ничто на них не указывает.

В одном ряду приводятся современные и древние формы, как если бы они были равноценными; не принимается в расчет хронологическая иерархия, которая при реконструкции праформ придает гораздо большую значимость показаниям древних форм, нежели современных. Зачастую просто приводятся современные формы, а их более древние предшественники вообще остаются за пределами рассмотрения. Так, турецк. *avuç* «горсть, пригоршня» сравнивается с монг. *abiča* «взятие». Однако, древнейшая тюркская форма имеет иной звуковой облик — *adut*; *-v*- возникло только благодаря ассимиляции *-d-* последующим *u*, а конечный *-č* следует объяснять на основании изменения по аналогии в связи с *kulač* «расстояние между концами пальцев вытянутых рук», «охалка».

Иногда (причем далеко не редко) слова приводятся по памяти, а на деле их вовсе нет. Зачастую сопоставляемые слова и формы не подвергаются предварительной филологической проверке. Так, например, за чистую монету восприняты многие неправильные чтения «Кутадгу билиг» по Радлову, хотя современное издание этого письменного памятника Р. Аратом предлагает совсем другие чтения.

Иногда сравниваются неологизмы.

Бывает и так, что одно и то же слово в одной книге одного автора водится к различным праформам.

Принципиально не принимаются в расчет потенции случайности. Не всегда соблюдаются законы логики.

Часто случайно найденная возможность истолкования материала принимается вообще без какого-либо учета других таких возможностей. Так, О. П. Сунник, К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках, «Проблема общности алтайских языков», стр. 270—271.

³³ Подробнее см. об этом в рец. на кн.: N. P o r r e, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Tl. I (ZDMG, 113, Hf. 2, 1963); там же см. об игнорировании алтаистами лингвогеографической точки зрения.

³⁴ О. П. С у н и к, К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках, «Проблема общности алтайских языков», стр. 270—271.

³⁵ См.: «Türkische und mongolische Elemente...», II, стр. 510—511.

а также (первоначальные значения!) «внутренность; сердцевина; середина; мозг (костный)» с монг. *öre* «грудь; внутренность».

Не исследуется развитие иноязычных заимствований в алтайских языках и алтайских заимствований в иносистемных языках, хотя такое исследование, бесспорно, должно внести свой вклад в изучение, в первую очередь, семантики, а также фонетики алтайских языков.

Часто термин «чередование» используется без раскрытия условий существования этого чередования. В большинстве случаев такое «чередование» можно намного лучше объяснить другим способом. Например, по М. Рясанену, в азерб. *ouan-* «просыпаться» ~ турецк. *uyan-* (то же) представлено чередование *o-* ~ *u-*³⁶. На самом деле, однако, *o* в азерб. *ouan-* представляет первоначальное звучание, а турецк. *uyan-* «просыпаться» является образованием по аналогии к *uyu-* «спать».

Таким образом, именно в алтаистике при изучении материала нельзя доверяться первому впечатлению — обнаруживаемое с первого взгляда сходство еще ничего не доказывает.

Перевела с немецкого Г. Ф. Благова

³⁶ См.: M. R ä s ä n e n, Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen, Helsinki, 1949, стр. 60.
